

стой говоритъ отъ своего собственного имени, онъ развиваетъ то же учение... „Возражать теоріи бросающей вызовъ всему, что выработано опытомъ, наблюдениями природы и исторически развивающимися учреждениями и законами,—теоріи, сознательно ставящей себѣ цѣлью уничтоженіе человѣческаго рода,—нельзя. Мысль—выступить въ походѣ противъ естественныхъ законовъ—можетъ придти въ голову только людямъ, болѣе или менѣе ненормальнымъ. Умственно здоровому человѣку достаточно выяснить, и онъ сразу пойметъ, что имѣеть дѣло съ психозомъ“¹⁾.

,Самый большой врагъ Льва Толстого—наука. Въ своей „Исповѣди“ онъ осыпаетъ ее всевозможными обвиненіями и насмѣшками. Она не служитъ народу, а правящимъ классамъ и капиталистамъ. Она занята такими пустыми и праздными вопросами, какъ изслѣдованіе протоплазмы или спектрального анализа, и никогда не подумала о чёмъ нибудь полезномъ, напримѣръ: „какъ сдѣлать хороший топоръ, какъ испечь хлѣбъ, какая мука для этого лучше годится, какъ дѣлать дрожжи, какие напитки и какая пища самые здоровые, какие грибы полезнѣе“ и т. д.... Какъ настоящій художникъ, онъ постарался претворить въ образы свои взгляды на науку и написалъ комедію: „Плоды проповѣщенія“. Но надѣть чѣмъ онъ смеется въ ней? Надѣ тупоумными глупцами, вѣрящими въ духовъ, надѣ одержимыми смертельнымъ страхомъ передъ бактеріями? Спиритизмъ и свѣдѣнія, почерпнутыя невѣжественными свѣтскими людьми изъ ежедневныхъ газетъ о заразительности микробовъ—вотъ что, по мнѣнію Толстого, наука, и противъ нея онъ направляетъ стрѣлы своей сатиры.—Настоящая наука не нуждается въ защитѣ отъ такихъ враговъ. Всѣ доказательства, направленныя противъ нея,—или доказательства чисто ребяческія, или просто нечестныя... Толстой говоритъ о наукѣ, какъ слѣпой о краскахъ. Онъ понятія не имѣеть о сущности науки, обѣ ея задачахъ, методѣ и содержаніи. Онъ напоминаетъ Бювара и Пекюше, двухъ идіотовъ романа Флобера. Они также безсознательно, безъ учителей и руководителей и безъ выбора, перелистывали извѣстное число

1) Вырожденіе, стр. 99—100.